

КОНЦЕПТ ЖЕНЩИНА (ПО РОМАНУ ГОЛОСОВ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ «У ВОЙНЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО»)

Латкина Т.В.

Камышинский технологический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета, Волгоградская область г. Камышин, ул. Ленина, д. 6 «а», e-mail: arts@kti.ru

Исследован роман голосов С. Алексиевич «У войны не женское лицо». Выявлено, что в произведении являют себя новое осмысление проблемы личности в литературе, углубленный интерес к внутреннему миру женщины. В поле зрения писателя оказывается душевное состояние человека, претерпевшего огромные потрясения, и оно помогает постичь то, что происходило с обществом в целом. Факты биографии отдельных героинь сливаются в одно сложнейшее жизненное хитросплетение. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что в «романе голосов» женщина — лицо, противоположное по полу мужчине, воплощение определенных свойств и качеств (устанавливается через словарные дефиниции слова «женщина»). Ядерную часть концепта «женщина» сам автор объединяет семой «жизнь», так как во всех воспоминаниях женщина — прежде всего оберегающая и дающая жизнь, носитель мирного, милосердного, а уж потом защитница отечества, солдат. К периферии концепта относится понимание женщины как единомышленницы и соратницы в каком-либо деле. Женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания. Она чувствовала и переносила ее иначе в силу своей сути: бомбежка, смерть, страдание – для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала перегрузки войны – физические и моральные, она труднее переносила «мужской» быт войны.

Ключевые слова: концепт, ядерная часть, базовый слой, периферия, дефиниция

CONCEPT THE WOMAN (ACCORDING TO THE NOVEL OF VOICES OF SVETLANA ALEKSIYEVICH «AT WAR NOT THE WOMAN'S FACE»)

Latkina T.V.

Kamyshin Technological Institute (branch) of Volgograd State Technical University, Volgograd region, Kamyshin, Lenina Street, 6, e-mail: arts@kti.ru

The novel of voices S. Alekseyevich «At war not a woman's face» is investigated. It is revealed that in work the new judgment of a problem of the personality in literature, profound interest in an inner world of the woman shows itself. In sight of the writer there is a state of mind of the person who underwent huge shocks, and it helps to comprehend that happened to society in general. The facts of the biography of certain heroines merge in one most difficult vital artful design. The carried-out research allows to come to a conclusion that in «the novel of voices» the woman - the person opposite on a floor to the man, an embodiment of certain properties and qualities (the woman is established through dictionary definitions of the word). Nuclear part of a concept the woman the author unites semy «life», as in all memoirs the woman, first of all, preserving and giving life, the carrier peace, merciful, and then the defender of the fatherland, the soldier. The understanding of the woman belongs to the periphery of a concept as adherents and allies in any business. Female memory covers that continent of human feelings in the war which usually escapes from man's attention. She felt and transferred her differently owing to the essence: bombardment, death, suffering – for it yet not all war. The woman stronger felt war overloads – physical and moral, she transferred «man's» life of war more difficultly.

Keywords: concept, nuclear part, basic layer, periphery, definition

Целью настоящей работы является изучение и моделирование сегмента индивидуальной как части национальной концептосферы; предметом исследования явился концепт женщина в языковом сознании С. Алексиевич. Концепт «женщина» представляет собой исследовательский интерес с его образными и ценностными признаками. Светлана Алексиевич посвятила «роман голосов» подвигам русской женщины. В основу книги легли свыше 200 женских историй. Этим определяется *актуальность* проблемы, поскольку

произведение является свидетельством эпохи, сыгравшей решающую роль в жизни страны. *Научная новизна* темы обусловлена малой степенью изученности творчества писателя.

Ядерная часть концепта устанавливается через словарные дефиниции слова «женщина». В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой женщина: «1. Лицо, противоположное по полу мужчине // воплощение определенных свойств и качеств» [2: 478]. Под концептом мы вслед за Ю.С. Степановым понимаем «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово, «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [7: 43].

За основу исследования концепта «женщина» в данной работе берется теория И.А. Стернина, трактующая концепт как ментальную единицу концептосферы, имеющую определенную структуру и языковое обозначение [5: 26]. Структура исследования определяется строением самого концепта, имеющего ядро, базовый слой и периферию. Таким образом, под концептом «женщина» мы понимаем человека, противоположного по полу мужчине. Ядро концепта определяет сам автор семей «жизнь», так как во всех воспоминаниях женщина — прежде всего оберегающая и дающая жизнь, носитель мирного, милосердного, а уж потом защитница отечества, солдат. К периферии концепта относится понимание женщины как единомышленницы и соратницы в каком-либо деле.

В произведении С.Алексиевич проявлены различные ипостаси концепта «женщина». В ядерной зоне находятся такие, как мать, дочь, жена, сестра, бабушка в значении «дающие жизнь»: «О чем они жалели? Что вот они погибнут, нигде не останется их кровиночки. Это же четыре года войны, четырех детей можно было родить. Я тоже боялась умереть, что ребеночка еще не успела родить. Пусть бы, думала, родилась девочка, чтобы у нее была другая судьба. Хотелось именно девочку родить. И родила после войны дочь... Потом хотела именно внучку. И родилась после войны внучка» [1: 141].

В ядерную зону входят ипостаси, имеющие в структуре компонент «жизнь». Врач, сестра милосердия в значении «спасающая жизнь»: «Вдруг я обнаруживаю, что ташу одного нашего танкиста и одного немца... Я была в ужасе: там наши гибнут, а я немца ташу... Теперь, когда вспоминаю этот случай, не перестаю удивляться сама себе. Это же самые страшные бои шли. Когда я видела фашистов мертвых, я радовалась, была счастлива, что мы их столько побили. А тут? Я – врач, я женщина... И я жизнь спасала. Человеческая жизнь нам очень дорого стоила. Мир спасала...» [1: 141].

Противоестественно для женщины убивать врага, но это делается для того, чтобы «защищать жизнь»: «Другая распишется на стенах поверженного рейхстага: “Я, Софья Кунцевич, пришла в Берлин, чтобы убить войну”» [1: 1].

Даже мать способна на жертву, чтобы «защитить жизнь»: «... мы добровольно пошли на фронт... Все пошли... Вся семья: мама и пять дочерей, а отец к этому времени воевал...» (вспоминает Антонина Максимовна Князева, младший сержант, связистка) [1: 10]. Но стоит ей этого невероятных усилий: «Увидела, как мы шли уже к составу, передала мне пирог, десяток яиц, и упала в обморок...» (Татьяна Ефимовна Семенова, сержант, регулировщица) [1: 10].

Мать «стойкая», многое может вынести ради ребенка: «Дочку я родила в сорок третьем. На болоте родила в стогу сена. Пеленочки на себе сушила, положу за пазуху, согрею и опять пеленаю» [1: 20]. Ее долг не только принять тяжелейшее решение об отправке дочери на фронт, но и поддержать ее в момент расставания: «Они не плакали, наши матери, провожавшие своих дочерей, они выли. Но моя мама не плакала, она стояла, как каменная. Но разве ей не было жалко меня? Она держалась, она боялась, чтоб я не заревела» (Евгения Сергеевна Сапронова, гвардии сержант, авиамеханик) [1: 12].

Молодая мать становится «партизаном»: «Ребенок у меня был маленький, три месяца, я с ним на задание ходила. ... Медикаменты из города приносила, бинты, сыворотку... Между ручек и между ножек положу, пеленочками перевяжу и несу. В лесу раненые умирают. Надо идти. Никто не пройдет, везде немецкие и полицейские посты, одна я проходила» [1: 20]. Чтобы пройти посты врага, имитирует тиф у трехмесячного ребёнка, натирая его солью, подпольщица Мария Тимофеевна Савицкая-Радюкович из горда Слуцка.

В «романе голосов» С. Алексиевич можно выделить несколько аспектов во взаимоотношениях женщины с миром, составляющих базовый слой концепта. Каждая из попавших на войну взрослеет, столкнувшись со смертью других. Рядовая связистка Нина Алексеевна Семенова: «Этого я понять не могла: как это меня может убить, если я только приехала на фронт? Я еще не знала, какая смерть обыкновенная и неразборчивая. Ее не упросишь, не уговоришь. Подвозили на старых полуторках народное ополчение. Стариков и мальчиков. Им выдавали по две гранаты и отправляли в бой без винтовки, винтовку надо было добыть в бою. После боя и перевязывать было некого... Все убитые...» [1: 38].

Клавдия Григорьевна Крохина, старший сержант, снайпер: «Мы залегли, и я наблюдаю. И вот я вижу: один немец приподнялся. Я щелкнула, и он упал. И вот, знаете, меня всю затрясло, меня колотило всю. Я заплакала. Когда по мишеням стреляла – ничего, а тут: как это я убила человека?..» [1: 7].

Отнять жизнь у другого противоестественно, но, когда героини сталкиваются с жестокостью врага, наступает момент, после которого есть желание только мстить. И такое ужасное мгновение было в судьбе Клавдии Григорьевны Крохиной: «около дороги стоял барак или дом, не знаю, это все горело, сгорело уже, одни угли остались. И в этих углях

человеческие кости, и среди них звездочки обгоревшие, это наши раненые или пленные сгорели... После этого, сколько я ни убивала, мне не было жалко. Как увидели эти горящие кости, не могла прийти в себя, только зло и мщение осталось» [1: 7].

Женщина стремится «защищать Родину» наравне с мужчинами, идет добровольцем на фронт. Антонина Максимовна Князева, младший сержант, связистка: «Одно желание у всех: попасть на фронт... Страшно? Конечно, страшно... Но все равно... Пошли в военкомат, а нам говорят: «Подрастите, девочки... Вы еще зеленые...» Нам по шестнадцать—семнадцать лет. Но я добилась своего, меня взяли. Мы хотели с подругой в снайперскую школу, а нам сказали: «Будете регулировщицами. Некогда вас учить» [1: 21].

С. Алексиевич акцентирует внимание на том, что не могли девушки поступить иначе, потому что решалась судьба народа и страны: «мы и родина – для нас это было одно и то же» (Тихонович К.С., зенитчица) [1: 3]. Отец Натальи Ивановны Сергеевой и еще семерых детей тяжело переживал, что некому на фронт идти: «Я когда-то радовался, что у меня первые девочки... Невесты... А теперь у каждого кто-то идет на фронт, а у нас некому... Это все, что я могу отдать для победы... Моих девочек...» Мужественный отец отвел на курсы медсестер двух дочек.

Женщина «держит на своих плечах тыл». Валентина Михайловна Илькевич: «Я бы всем женщинам, которые кормили, одевали нас в тылу... Я бы им какую-то медаль придумала. Они такое же ветераны войны, как фронтовики и партизаны. Что бы мы без них сделали в войну?» [1: 112].

Женщина – «солдат, выполняющий свой долг, несмотря на страх»: «И так страшно, особенно в рукопашной, что заикаешься, несколько дней слово выговорить правильно не можешь. Разве это поймет тот, кто там не был?» [1: 140].

К периферии концепта относится понимание женщины как «человека, неизменно стремящегося к красоте», несмотря на голод. Станислава Петровна Волкова, лейтенант, командир саперного взвода: «А я тихонько, чтобы она не видела, разбила эти два яйца, они маленькие были, и почистила сапоги. Конечно, хотелось есть, но победило женское – хотелось быть красивой» [1: 7].

Женщина тяжелее приспосабливается к военному быту. Мария Ивановна Морозова: «Пришли в военкомат, нас тут же в одну дверь ввели, а в другую вывели: я такую красивую косу заплела, оттуда уже без нее вышла... Без косы... Постригли по-солдатски... И платье забрали. Не успела маме ни платье, ни косу отдать. Она очень просила, чтобы что-то от меня, что-то мое у нее осталось. Тут же нас одели в гимнастерки, пилотки, дали вещмешки и в товарный состав погрузили, на солому. Но солома свежая, она еще полев пахла» [1: 16].

Удивительно для самих участниц войны, как они могли жить в тех нечеловеческих условиях, ведь им это было гораздо сложнее. Тамара Михайловна Степанова, сержант, снайпер: «Мужчина, он мог вынести. Он все-таки мужчина. А вот как женщина могла, я сама не знаю. Я теперь, как только вспомню, то меня ужас охватывает, а тогда все могла: и спать рядом с убитым, и сама стреляла, и кровь видела, очень помню, что на снегу запах крови как-то особенно сильный... Вот я говорю, и мне уже плохо... А тогда ничего...» [1: 2].

И послевоенное время также встречало вернувшихся с войны женщин суровой реальностью. Мужчина, он пусть и калекой возвращался с войны, но он все равно создавал семью. А женская судьба складывалась драматичнее. Война забрала у них молодость (поседевшие безвременно от контузий), здоровье: «После войны, когда родила снова мальчика, молила бога, чтобы я его успела вырастить, чтобы он меня своими ручками обнял и узнал, что я его мать. Такая я была больная от войны...» (Мария Михайловна Матусевич-Заяц) [1: 20]. Отняла мужей, женихов. Анастасия Сергеевна Демченко, старший сержант, медсестра: «Столько было раненых, что, казалось, весь свет уже ранен...» [1: 4]. Приходилось учиться всему женскому и житейскому вновь: носить туфли, платье, платить в магазине за покупку: «Привыкли: паек, на всем государственном, и приходишь в хлебный магазин, берешь хлеб, сколько тебе нужно, и забываешь расплатиться» (М.И. Морозова, снайпер) [1: 9].

Женщина готова отказаться от жизни, общения с близкими, ощутив свою неполноценность: «Девочки, пристрелите меня... Кому я такая буду нужна?...» Так просила... так просила...» [1: 9]. Машенька Алхимова, которой раздробило ноги, не сообщила матери, что жива, и встречу организовали боевые подруги лишь через тридцать лет.

Женщина борется на войне со свойственными ей чувствами, видя вокруг смерть. Пережив потерю близкого человека, не может даже слушать песни. Клава Иванова, у которой убили отца, убеждала других: «Девчоночки, не надо, вот победим этих гадов, тогда и петь будем» [1: 6]; «Ни птиц, ни цветов не помню» [1: 9]. Хирургическая медсестра Лилия Михайловна Будко: «Это был ужас. Если услышу: кто-нибудь смеется, я не могла этого простить. Как можно смеяться, как можно чему-то радоваться, когда такая война идет?» [1: 11].

Женщина «сентиментальна», но стремится побороть эмоции, потому что не может позволить себе и подруге жалость к животному: «Ах-ах-ах, тонкая натура! А мы все три дня голодные. Жалко потому, что еще никого не хоронила, не знаешь, что такое прошагать за день тридцать километров с полным снаряжением, да еще голодной. Сначала фрицев надо выгнать, а потом переживать будем...» [1: 8]. Убив жеребенка, Мария Ивановна Морозова (Иванушкина), ефрейтор, снайпер с трудом справляется с эмоциями: «Хоть садись и плачь.

Будто я живодерка какая-то...» [1: 8]. И другие девушки не могут притронуться к еде, преодолевают себя, для того чтобы поддержать подругу: «А девчонки мои сидят, к ужину не притрагиваются. Я поняла, в чем дело, в слезы и из землянки... Девчонки за мной, стали меня в один голос утешать. Быстро расхватили свои котелки и давай есть...» [1: 8].

Возвращаясь к мирной жизни, героини обнаруживают, что и женские страхи неистребимы: «... фронт прошла, чего только не повидала: и смертей, и разного, а тут овраг перейти страшно. Оказывается, война ничего в нас не изменила. В вагоне, когда ехали, когда возвращались уже из Германии домой, мышшь у кого-то из рюкзака выскочила, так все наши девчонки как повскакивают...» (М.И. Морозова) [1: 8].

Женщина – «единомышленница и соратница в каком-либо деле». На войне ребята говорили: «Умирать, так с Тamarой, с ней и на том свете весело будет» [1: 137].

Обобщая свои размышления, С. Алексиевич отмечает, что женская память охватывает тот материк человеческих чувств на войне, который обычно ускользает от мужского внимания. Она чувствовала и переносила ее иначе в силу своей сути: бомбежка, смерть, страдание – для нее еще не вся война. Женщина сильнее ощущала перегрузки войны – физические и моральные, она труднее переносила «мужской» быт войны. И то, что она запомнила, вынесла из смертного ада, сегодня стало уникальным духовным опытом беспредельных человеческих возможностей, который мы не вправе предать забвению [1: 4].

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что ядро концепта определяет сам автор семей «жизнь», так как во всех воспоминаниях женщина — прежде всего оберегающая и дающая жизнь, носитель мирного, милосердного, а уж потом защитница отечества, солдат, партизан. К периферии концепта относится понимание женщины как человека, неизменно стремящегося к красоте, сентиментального; единомышленницы и соратницы в каком-либо деле.

Список литературы

1. Алексиевич, С. У войны не женское лицо / С. Алексиевич. – М.: Правда, 1988. – 142 с.
2. Латкина, Т.В. Личность автора – создателя художественного текста / Т.В. Латкина // Вопросы филологических наук. — 2008. — № 4. — С. 9–11.
3. Латкина, Т.В. Языковая картина мира автора / Т.В. Латкина // Современные проблемы науки и образования. – М.: Академия естествознания, 2010. — № 5. – С. 39–45.
4. Попова, З.Д. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2002. – С.26.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т. 2. – М., 1982.

6. Стернин, И. А. Наведение сем в значении слова / И. А. Стернин // Исследования по семантике. – Уфа, 1988. – С. 13–17.
7. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 2004.

Рецензенты:

Брысина Е.В., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой общего и славяно-русского языкознания Волгоградского социально-педагогического университета, г. Волгоград;

Алещенко Е.И., д.фил.н., профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского социально-педагогического университета, г. Волгоград.